

28. Gestern Abend näherten wir uns unter erheblicher Verspätung ~~Hong~~ Colombo. Bevor die Küste sichtbar war kamen wir in schwere Tropengewitter mit Wolkenbruch, so dass das Schiff halten musste. Als es sich um 9 Uhr aufhellte, zeigte es sich dass wir dem Hafen nahe waren. Ein Boot kam im Rudern heran und bald landeten wir neben dem

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

somebodies Gesicht mit grauem Bart, der uns ^{zwei} Telegramme brachte und - um Trinkgeld flehte. Noch andere Indos sehen wir, bräunlich schwarze schwiige Gestalten mit ausdrucksvollem Gesicht und Körper und ergebener Wesen. Sie sehen aus wie in Betteln umherwandelte Gendall etc. Man spürt

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

Heute Morgen um 7 Uhr setzten wir ^{überhaupt} aufs Land über und besahen uns mit der Zeit zusammen das Hindu - Viertel von Colombo und einen buddhistischen Tempel. Wir fuhren dann weiter zu einem Wästelchen die ^{britische} britische

Дневник ученого

Альберт Эйнштейн
Путевой дневник

«Издательство АСТ»

1922-1923

УДК 53(092)(73)

ББК 22.3г

Эйнштейн А.

Путевой дневник / А. Эйнштейн — «Издательство АСТ»,
1922-1923 — (Дневник ученого)

ISBN 978-5-17-112714-5

Осенью 1922 года Альберт Эйнштейн предпринял путешествие по Дальнему и Ближнему Востоку длиной почти полгода. На нить его сложного маршрута были нанизаны Гонконг и Сингапур, две короткие остановки в Китае, многочисленные лекции по всей Японии, почти двухнедельное пребывание в Палестине и трехнедельное – в Испании. Под этой обложкой приводится полный текст дневника, который физик вел на протяжении поездки. Сделанные наскоро записи отражают соображения автора о науке, философии, искусстве и политике, а также сиюминутные впечатления и отвлеченные размышления об актуальных событиях. Заметки стали предметом пристального внимания исследователей, потому как содержат также указания на спорные воззрения автора по расовому вопросу, которые отчасти объясняются, впрочем, веяниями эпохи. Эйнштейн и впредь станет держать под рукой блокнот во время путешествий. Это его первый опыт, сообщающий некоторые неизвестные детали о личности ученого, впервые столкнувшегося с огромным удивительным миром. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 53(092)(73)

ББК 22.3г

ISBN 978-5-17-112714-5

© Эйнштейн А., 1922-1923

© Издательство АСТ, 1922-1923

Содержание

Предисловие	7
Благодарности	9
Историческая справка	11
Об этом издании	11
Путевой дневник	12
Обстоятельства путешествия	14
Анализ путевого дневника	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Альберт Эйнштейн

Путевой дневник. Восточная Азия, Палестина, Испания, 1922–1923

Моим родителям Руфи Ханне Розенкранц (1928–2015) и Арнольду Розенкранцу (1923–1999), с которыми я отправлялся в мои самые первые путешествия.

Под редакцией Зеэва Розенкранца

Albert Einstein, Ze'ev Rosenkranz

THE TRAVEL DIARIES OF ALBERT EINSTEIN:

THE FAR EAST, PALESTINE, AND SPAIN, 1922–1923

Печатается с разрешения издательства *Princeton University Press* при содействии литературного агентства *Synopsis*.

© Примечания редактора и перевод. Princeton University Press, 2018

© Исходные материалы. Hebrew University of Jerusalem, 2018

© Оформление, перевод на русский язык. ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

Я вырос в пяти минутах ходьбы от пляжа, на берегу залива в Сент-Килде, пригороде Мельбурна в Австралии. Дело было в 1960-х – начале 1970-х, когда пригород Сент-Килда все еще пользовался сомнительной репутацией – с тех пор приток жителей среднего класса частично поменял его облик. А тогда на Акланд-стрит стояли еврейские беженцы из Европы и разговаривали на языках, которых я не понимал. Мой дедушка со стороны матери, еврей англо-голландского происхождения – который сам иммигрировал в Австралию из Лондона сразу после Первой мировой войны, – обычно звал этих новых иммигрантов *refs* (уничижительное от английского *refugees* – «беженцы»).

Мой отец, уроженец Вены, любил брать меня с собой на еженедельную часовую прогулку – три мили вдоль набережной Бикенсфилд к пристани Стэйшн-пир в Мельбурнском порту, чтобы посмотреть на океанские лайнеры, которые стояли в тамошних доках. Его всегда тянуло к морю. Он родился в Вене, окруженной сушей, а в конце 1938 года бежал в Шанхай, где прожил десять лет, из которых почти четыре года провел в японской оккупации, в еврейском гетто с ужасными условиями. В конце Второй мировой войны он подружился с заезжими американскими матросами. В 1948 году, будучи убежденным сионистом, он отправился – на втором корабле с еврейскими беженцами из Шанхая – в только что созданное государство Израиль. Но и эта страна не могла удержать моего отца (который был самым воплощением Агасфера) надолго. В 1950 году он вернулся в Вену, в основном из-за ностальгии. Шесть лет спустя он уже опять плыл по морю – на этот раз в Австралию, чтобы начать там новую жизнь и заодно посмотреть на Олимпийские игры. Еще через несколько лет он встретил мою мать, которая родилась в Мельбурне. Но его «охота к перемене мест» не утихла, и когда мне было почти одиннадцать лет, мы пришли на пристань Стэйшн-пир уже как пассажиры.

Так портной-ремигрант отправился со своей семьей в четырехнедельное путешествие на итальянском корабле обратно в Европу, обогнув Мыс Доброй Надежды (Суэцкий канал все еще был заблокирован из-за Шестидневной войны). Жизнь на океанском лайнере мне показалась скучной: для «детской комнаты» я уже был слишком большой, а для взрослых развлечений – слишком маленький. Но на пароходе у меня появились друзья, и я проводил время с ними. Я все еще живо помню, как часто на корабле объявляли, что нужно перевести стрелки часов на полчаса назад, потому что, огибая земной шар, мы переходили из одной часовой зоны в другую. А еще – японский научно-фантастический фильм «Зеленая слизь», который я смотрел бесчисленное количество раз в маленьком кинотеатре на корабле. Фильм мне так нравился, что я посещал все сеансы: и на английском языке, и на итальянском.

В последующие три года мы еще два раза пересекли океан, потому что отец мой все никак не мог решить, где бы ему хотелось жить. Обстановка для его подрастающего сына была не самая стабильная, однако то, что я вырос в двух странах, в Австралии и в Австрии, помогло мне с языками и расширило кругозор. У еврея-подростка в Вене 1970-х годов, конечно, были свои проблемы. Одной из них стали периодические антисемитские замечания нашего *Klassenvorstand*, классного руководителя в местной гимназии, *Gymnasium*. Одним из его любимых словечек было *Affentürkei*¹. Я тогда понятия не имел, что выражение было антисемитским, да и вообще расистским. Ксенофобская «шутка» в Вене того времени была в том, что Восток начинался прямо на востоке Дунайского канала, где до холокоста жило большинство евреев, включая моего отца. Но это место также стало домом для других этнических групп с востока – по отношению к прежней Австро-Венгерской империи, – в основном чехов и словаков. В

¹ Обиходное название эмигрантского района Вены Бригиттенау. – Прим. изд.

1970-х оно оставалось домом для небольшой еврейской общины, но у нее появились новые соседи из Югославии и Турции.

Даже если мне очень нравились те наши долгие прогулки к Мельбурнскому порту, во взрослой жизни я бессознательно выбирал для жизни окруженные сушей города. Из Вены я переехал в Иерусалим, а затем в Пасадену, штат Калифорния. Оба города находятся в часе езды от ближайшего пляжа.

Путевые дневники Эйнштейна – пожалуй, мои самые любимые документы, им написанные. Мне всегда нравился его своеобразный стиль, его колкие замечания о личностях, которых он встретил, и яркие описания шума и суеты в портах. Только позднее я стал замечать, как тревожат меня в его дневнике некоторые строки, в которых он сделал, по сути дела, ксенофобские комментарии об увиденных людях. Я стал спрашивать себя: как этот символ гуманизма может быть автором таких пассажей?

Ответ на этот вопрос, кажется, необходимо искать в современном мире, где ненависть к другому, иному, безудержно растет. Вновь и вновь обездоленные беженцы отчаянно пытаются спастись от казней и насилия на судах, не пригодных к плаванию, в результате чего иногда гибнут. А если выживают, оказываются приговоренными к пребыванию в лагерях для беженцев, условия в которых трудно назвать человеческими. Вновь и вновь родители исступленно пытаются оградить своих детей от опасности и отправляют их в путешествия, полные страшного риска и лишений. Вновь и вновь иностранцев винят во всех местных социальных бедах, и цементные стены с колючей проволокой, наряду с предубеждениями, отделяют их от остального мира.

В таких обстоятельствах более чем своевременно узнать, что даже человек – символ гуманитарной помощи, верховный комиссар Организации Объединенных Наций по делам беженцев, который как-то убедительности ради прибегнул к помощи плаката с фотографией Эйнштейна и прекрасной подписью: «Беженец привозит на свою новую родину не только узелок с вещами. Эйнштейн был беженцем», – также мог иметь ряд предубеждений и стереотипов о представителях других наций. Кажется, и самому Эйнштейну было порой очень трудно узнать себя в лице другого.

*Пасадена, Калифорния
Октябрь 2017 года*

Благодарности

Я выражаю глубокую признательность Аль Берtrandу, помощнику директора издательства *Princeton University Press*, за его чуткое руководство и ценные советы в работе над этой книгой. Я особенно благодарен Диане Бухвальд, директору проекта «Документы Эйнштейна», за ее проницательные советы и неустанную и щедрую помощь в работе над этой книгой. Я также благодарен Питеру Докерти, бывшему директору *Princeton University Press*, и Юргену Ренну, одному из руководителей Института Макса Планка в Берлине, за их великодушное одобрение и мудрые замечания. Без многолетнего дружеского сотрудничества с Кристиной Нельсон, куратором отдела литературных и исторических рукописей в библиотеке Пирпонта Моргана, это издание вряд ли появилось бы на свет.

С большим удовольствием я благодарю моих дорогих коллег по проекту «Документы Эйнштейна»: Барбару Вольфф и Нуриту Лифшица – за содействие в моих архивных и библиотечных изысканиях и крайне полезные советы; Денниса Лемкуля, который ободрял меня и следил, чтобы я не сделал никаких научных ошибок; Эмили де Араужу и Дженни Джеймс, которые были мне прекрасными коллегами, и Джереми Шнайдера за неоценимую помощь.

Мне принесла громадное удовольствие работа с необычайно компетентным редакторским коллективом *Princeton University Press*, в который входят: Терри О'Прей, помощник редактора, Крис Ферранте, дизайнер, Дмитрий Каретников, специалист по иллюстрациям, и Сид Уестмореланд, мой редактор, любящий скрупулезный труд и отличающийся замечательным профессионализмом.

Я также крайне признателен Рони Гросс и Шае Беккер, заведующим Архивом Эйнштейна, за их любезность и помощь в работе с документами и разрешении вопросов с авторскими правами, Томасу Ф. Глику за его ценные комментарии, Маюко Акаги из университета Хитоцубаси, Анату Банину из Центрального сионистского архива, Джоан Бидер из Калифорнийского университета в Беркли, Браянне Крегль из библиотеки Принстонского университета, Шимону Диасу из Японской Академии, Лизе Гинзбург из Лос-Анджелеса, работникам издательства «Коданся» (*Kodansha*) в Токио, Юки Огаве из Музея истории кораблестроения и мореходства в Йокогаме (*NYK Maritime Museum*), Х. Оое из Университета Васэда, Мэрилин Пальмери из библиотеки при музее Моргана, хранителям коллекции карт Дэвида Рамзи, Эллен Сандберг из Архива исторических изображений имени Грейнджера, Майклу Симонсону из Института имени Лео Бека, Хидеки Сугимото из Университета Осаки, Жан-Мишелю де Таррагону из французского Института изучения Библии и библейской археологии (*École Biblique*) и Хуану Хосе Виллару Лихарсио из Главного архива администрации (*Archivo General de la Administración*) за их помощь в вопросах авторского права при публикации факсимиле и иллюстраций; Халли Шеффер и Кристин Зодроу в издательстве *Princeton University Press* за совместную работу над этим изданием; Джону Вейду, Дану Агулке, Бианке Риос, Бену Пересу из отдела межбиблиотечного абонементов за неустанную энергию, с которой они способствовали доставке крайне необычных документов, мною запрошенных.

Я также признателен всем тем, благодаря кому дневник Эйнштейна о его путешествии в Японию, Палестину и Испанию был впервые опубликован – в тринадцатом томе собрания документов Альберта Эйнштейна. А именно: Тильману Сауеру – за работу над прекрасными научными комментариями к дневнику, Сэйю Абики – за кропотливое исследование японских исторических источников, Ивёнь Ма – за любезную помощь в работе с китайскими источниками и Масако Онуки – за поддержку в работе с источниками на японском языке. В работе над настоящим изданием мне также помогали Луис Дж. Бойя, Даниан Ху, Герберт Карбач, Адан Сюс и Виктор Вей.

Хотя я и выражаю благодарность моему другу Кимберли Эйди в последнюю очередь, она ничуть не меньше: спасибо за тонкие замечания, нежную заботу и ободрение.

Историческая справка

Путешествие великолепно. Я очарован Японией и японцами, как, я уверен, были бы и вы. Больше того, подобному морскому путешествию как способу существования позавидует любой мыслитель – жизнь как в монастыре. К этому прибавьте ласковую жару у экватора. Теплая вода лениво капает с неба, с ней приходят покой и какая-то вегетативная дремота, – о чем и свидетельствует это маленькое письмо.

Альберт Эйнштейн – Нильсу Бору. Окрестности Сингапура, 10 января 1923 года

Об этом издании

Это новое издание полного собрания путевых дневников Альберта Эйнштейна – о его полугодовом путешествии, во время которого он посетил Восточную Азию, Палестину и Испанию в период с октября 1922 по март 1923 года. Факсимиле каждой страницы оригинала сопровождается переводом на английский. Обильные комментарии содержат данные о людях, организациях, местах, упомянутых в дневниковых записях, толкуют неясные ремарки, дают дополнительную информацию о событиях, описанных в дневнике, добавляют детали маршрута, о которых сам Эйнштейн в дневнике не упоминал. Хотя дневник представляет собой убедительный исторический источник, в котором Эйнштейн непосредственно записывает свои впечатления, он является по сути своей только частью головоломки. И ее нам предстоит собрать, чтобы воссоздать ход поездки. И ради прояснения картины событий я обращаюсь к публикациям в местной прессе тех стран, которые Эйнштейн посетил, и дополнительным источникам из числа личных бумаг ученого, сопутствующим поездке дипломатическим отчетам и статьям, а также позднейшим мемуарным заметкам некоторых участников. Издание также включает в себя те документы Эйнштейна, которые расширяют контекст путевого дневника: письма и открытки, отправленные во время путешествия, речи, которые он читал в различных портовых городах, и статьи, написанные под впечатлением от стран, увиденных в пути.

Этот дневник впервые увидел свет на страницах 13-го тома собрания документов Альберта Эйнштейна (*The Collected Papers of Albert Einstein*, далее – *CPAE*) в 2012 году¹². Перевод с немецкого, выполненный для 13-го тома *CPAE*, был пересмотрен и уточнен для настоящего издания.

Избранные места из этого дневника публиковались в переводах и раньше: часть дневника, предшествующая поездке Эйнштейна в Японию, опубликована на японском языке в 2001 году; палестинские записи вышли отдельно на иврите в 1999 году; записи об испанском отрезке путешествия появились на английском в 1988 году. Небольшой отрывок из дневника был также опубликован в 1975 году³.

Путевой дневник

Этот дневник – один из шести путевых дневников Эйнштейна. Заметок о первом заокеанском путешествии ученого – в Америку – не существует. Точнее, мы даже не знаем, вел ли он тогда записи⁴.

Остальные дневники были написаны во время поездки в Южную Америку, с марта по май 1925 года, и трех поездок в Соединенные Штаты, когда он посетил Калифорнийский технологический институт в Пасадене во время зимних семестров 1930–1931, 1931–1932 и 1932–1933 годов. Таким образом, Альберт Эйнштейн совершил пять межконтинентальных путешествий, исписав при этом шесть тетрадей: Эйнштейн использовал две записные книжки в своей последней поездке⁵.

Путевой дневник, публикуемый в настоящем издании, помещается в тетради из 182 линованных страниц и занимает всего 81 страницу. За ними следуют 82 пустых листка и еще 20 страниц вычислений (19 линованных и одна нелинованная)⁶. Вычисления были сделаны с обратной стороны тетради (то есть в конце дневника), которую ученый перевернул вверх ногами. Вычисления не приводятся здесь.

Впервые эти записи дают нам возможность погрузиться в захватывающие подробности дорожных впечатлений Эйнштейна. Он писал ежедневно, время от времени дополняя текст зарисовками того, что ему показалось интересным, – вулканов, лодок, рыб. Он записывал и свежие впечатления от поездки, и размышления о книгах, которые читал, о людях, которых встретил, о местах, которые посетил. Кроме того, он заносил в дневник свои мысли о науке, философии, искусстве, а иногда и о происходящих в мире событиях. Стиль дневников Эйнштейна отличают любовь к деталям, неординарный взгляд на вещи и (возможно, из-за нехватки времени) почти телеграфная краткость. Его наблюдения, которые касаются людей, встреченных в поездке, чаще всего скупы – чтобы описать характер, индивидуальные особенности человека, Эйнштейну достаточно нескольких, часто иронических или резких, слов. О причинах, по которым Эйнштейн начал вести путевой дневник в этой поездке, мы можем только догадываться. Скорее всего, записи предназначались как для него самого, так и для двух его приемных дочерей Илзы и Марго, которые остались дома в Берлине⁷. Однако можно с уверенностью сказать, что писал он этот дневник не для будущих поколений и не для публикации.

Судьба дневника довольно интригующая. После того как Эйнштейн принял решение не возвращаться в Германию, где в январе 1933-го к власти пришли нацисты, его зять Рудольф Кайзер, литературный критик и редактор еврейско-немецкого происхождения, перевез личные бумаги Эйнштейна (включая этот дневник) из его берлинской квартиры в посольство Франции и договорился, чтобы их переправили во Францию дипломатической почтой. Из Франции бумаги были отправлены в Принстон, штат Нью-Джерси, где Эйнштейн к тому времени поселился⁸.

В завещании 1950 года Эйнштейн назначил своего верного друга Отто Натана и своего постоянного секретаря Элен Дюкас попечителями всего письменного наследия, а Натана – единственным душеприказчиком. После смерти Эйнштейна в апреле 1955 года Дюкас стала еще и первым архивариусом документального наследия ученого.

В феврале 1971 года между организацией «Наследие Альберта Эйнштейна» (*Estate of Albert Einstein*) и издательством *Princeton University Press* было подписано соглашение о редактировании и публикации записей и писем Эйнштейна. Так началась подготовка собрания документов ученого. Главным редактором проекта в 1976 году был назначен профессор физики Джон Стэчел. Год спустя стало ясно, что Отто Натан недоволен работой Стэчела. Сначала Натан предложил заменить редактора, затем – создать комиссию из трех редакторов, включая

Стэчела. Когда *Princeton University Press* поддержало кандидатуру Стэчела как единственного редактора проекта и отвергло предложения Натана, «Наследие Альберта Эйнштейна» обратилось в суд. Поскольку стороны не могли договориться, дело дошло до арбитражного суда в Нью-Йорке весной 1980 года. В результате судья оправдал *Princeton University Press*. Судебный процесс и арбитраж оказались очень дорогостоящими для организации «Наследие Альберта Эйнштейна»⁹, поэтому попечители решили продать некоторые из личных бумаг ученого. В начале 1980-х Отто Натан поинтересовался у нью-йоркского издателя, библиофила и главы фонда своего имени Джеймса Г. Хайнемана, не захочет ли тот вдруг приобрести материалы из архивов Эйнштейна. Фонд Хайнемана ранее, в 1976 году, уже приобрел научную рукопись Эйнштейна на 35 страницах. В примечаниях к документам Натан писал, что «средства могут понадобиться на оплату судебных расходов из-за процесса против *Princeton University Press*, а также на предстоящие арбитражные транзакции»¹⁰.

В октябре 1980 года Фонд купил у «Наследия» три ценных эссе Эйнштейна и подарил их библиотеке имени Пирпонта Моргана в Нью-Йорке¹¹.

В июле 1981 года «Наследие Альберта Эйнштейна» попросило профессиональных продавцов автографов оценить несколько рукописей Эйнштейна, включая этот путевой дневник. Одна из компаний заявила, что рыночная стоимость дневника составляет 95 000 долларов, другая оценила дневник в 6500 долларов¹². В следующем месяце фонд Хайнемана приобрел дневник у «Наследия» по неизвестной цене и немедленно передал его в «Коллекцию Данни и Хетти Хейнеман» при библиотеке Пирпонта Моргана (сегодня известной как библиотека и музей имени Пирпонта Моргана), где дневник и хранится до сих пор¹³.

Обстоятельства путешествия

Различные факторы повлияли на обстоятельства длительного путешествия Эйнштейна по Восточной и Средней Азии, а также Испании в конце 1922 – начале 1923 года¹⁴. Эйнштейн впервые покинул европейский континент весной 1921 года, когда отправился в турне по Соединенным Штатам, сопровождая Хаима Вейцмана, президента Всемирной сионистской организации со штаб-квартирой в Лондоне, чтобы собрать средства на создание Еврейского университета в Иерусалиме и для укрепления связей с американским научным сообществом после Первой мировой войны¹⁵. Не заявляя открыто, что он занят распространением своих новых воззрений – теории относительности, – после неожиданно пришедшей к нему славы в ноябре 1919 года, Эйнштейн к началу своего путешествия в Восточную Азию уже выступал с лекциями в самых разных городах Германии, а также в Цюрихе, Осло, Копенгагене, Лейдене, Праге и Вене¹⁶. Возвращаясь из Америки, он также заехал с коротким визитом в Великобританию¹⁷. Во время его первой послевоенной поездки в Париж в 1922 году Эйнштейн участвовал в дискуссиях на тему относительности в Коллеж де Франс и во Французском обществе философии¹⁸.

Жест гостеприимства, который в итоге привел к поездке Эйнштейна в Восточную Азию, Палестину и Испанию, принадлежал Санэхико Ямамото, директору издательства «Кайдзося» (*Kaizo-Sha*) в Токио. Однако в том, что касается деталей приглашения, свидетельства расходятся. Как писал Ямамото 12 лет спустя, приглашение Эйнштейна в страну было следствием «внезапных идеологических перемен» в Японии между 1919 и 1921 годами, зримым символом которых оказался изданный в «Кайдзося» роман Тойохико Кагава, японского пацифиста-христианина и участника рабочего движения¹⁹. Большой коммерческий успех романа принес средства, необходимые для приглашения в Японию Эйнштейна и других выдающихся мыслителей, таких как Джон Дьюи, Бертран Рассел, Маргарет Сэнгер. Во время его визита в Токио Рассела попросили назвать трех величайших людей мира, и тот якобы ответил Ямамото: «Первый – Эйнштейн, второй – Ленин. А больше никого нет». Ямамото пишет, что тогда он проконсультировался с профессором физики Китаро Нишидой и с автором научной литературы, бывшим профессором физики Джуном Ишиварой насчет относительности, после чего принял решение выделить 20 000 долларов США на визит Эйнштейна и отправил своего европейского корреспондента Кошина Муробусе к Эйнштейну в Берлин, чтобы обсудить условия²⁰. Однако Джун Ишивара утверждает, что Ямамото консультировался с ним самим и с Нишидой примерно за девять месяцев до приезда Рассела в Японию²¹. Наконец, третий свидетель, Айдзо Йокодзэки, бывший исполнительный директор «Кайдзося», заявил, что когда Ишивара посоветовал издательскому дому пригласить Эйнштейна, они «не знали, что делать». Они посоветовались с физиком Хантаро Нагаокой в Токио, который, рекомендуя им пригласить берлинскую знаменитость, заметил, что японские университеты не имеют средств ни на то, чтобы отправлять японских студентов за границу, ни на то, чтобы пригласить ученого такого уровня в Японию²².

Налицо некая несогласованность в том, что касается инициативы и источника приглашения. В конце сентября 1921 года Ишивара от журнала *Kaizo* отправил Эйнштейну предложение приехать в Японию на месяц, за что ему причиталось бы 10 000 йен (приблизительно 1300 фунтов стерлингов)²³. Примерно в то же самое время Кошин Муробусе пригласил Эйнштейна на три месяца, также от имени *Kaizo*, и предложил ему 2000 фунтов в качестве компенсации дорожных расходов и платы за серию лекций в разных городах страны. И хотя ранее в том же году в минуты усталости Эйнштейн жаловался, что ему «осточертели эти лекции о теории вероятности»²⁵, на этот раз он согласился.

Он думал поехать в Японию осенью 1922 года. Однако в начале ноября вдруг стал недоволен предложенными финансовыми условиями: «Японцы настоящие мошенники. Они могут убраться восвояси, мне-то что. Но на таких жалких условиях я туда не поеду»²⁶. Вскоре он совсем отменил визит, указав на формальные расхождения в реквизитах двух приглашений как причину своего решения²⁷.

Однако всего лишь пять недель спустя Ямамото от имени «Кайдзося» отправил Эйнштейну официальное приглашение и контракт с такими вводными: шесть научных лекций в Токио и шесть лекций для широкой аудитории в различных городах Японии. Гонорар, который включал также расходы на разъезды и проживание, составлял 2000 фунтов²⁸. В середине марта 1922 года Эйнштейн признался близкому другу и коллеге Паулю Эренфесту, что он «не в состоянии противиться пению сирен Восточной Азии»²⁹. Вскоре после этого он написал Ишиваре, что его отъезд в Японию задерживается на месяц из-за посещения ежегодной конференции Общества немецких естествоиспытателей и врачей в Лейпциге в сентябре³⁰. В августе Академия наук Японии приняла постановление организовать торжественное приветствие Эйнштейна, и японское правительство начало готовиться к «дружественному приему»³¹. Однако письмо Узуми Дои, одного из студентов самого Нагаоки в Императорском университете Токио, в котором он жестоко критиковал теорию относительности, показывает, что не всякий готов был рукоплескать Эйнштейну и оказывать ему прочие знаки почтения. Дои призывал его «вернуться к ортодоксальности, освободиться от разрушительных чар, под влияние которых [он попал], будучи молодым человеком 26 лет»³².

Во время обсуждения условий соглашения Эйнштейн частично открыл причины своего желания отправиться далеко на Восток: «Приглашение в Токио меня очень обрадовало, так как я уже давно интересуюсь народами и культурой Восточной Азии»³³. Через три недели после своего приезда в Японию Эйнштейн написал статью о своих первых впечатлениях и в ней вновь заговорил о причинах, подтолкнувших его к положительному решению о поездке: «Когда от [Санэхико] Ямамото пришло приглашение в Японию, я немедленно решил отправиться в это большое путешествие, на которое уйдут месяцы. Хотя и не могу придумать никакого этому оправдания, кроме того, что я себе не простил бы, если бы шанс увидеть Японию собственными глазами был упущен. [...] Для нас эта страна больше, чем все другие, окутана тайной»³⁴.

Новость о предстоящем турне по Японии дала повод возобновить переговоры о лекциях Эйнштейна в Китае. Однако обсуждение условий буксовало, порой возникали спорные вопросы. В сентябре 1920 года Юаньпэй Цай, ректор Пекинского университета, пригласил Эйнштейна прочесть там курс лекций³⁵. По всей видимости, Чиа-хуа Чу, профессор геологии этого вуза, находясь с визитом в Берлинском университете, лично провел с Эйнштейном переговоры от имени Цая. По его словам, Эйнштейн пообещал, что его следующее после Америки заокеанское путешествие будет иметь целью Китай. В марте 1922 года, узнав о его предстоящем турне по Японии, Чу написал Эйнштейну, чтобы возобновить переговоры. Он сообщил физику, что китайский университет хотел бы, чтобы он задержался там на целый год. Однако посольство Китая в Берлине уведомило переговорщика о том, что сам Эйнштейн объяснил дипломатам: теперь в связи с его обязательствами перед японскими слушателями у него будет время только на двухнедельную серию лекций в Пекине³⁶. Эйнштейн уведомил также, что в свое время не мог согласиться то на финансовые условия, то на длительность пребывания, изначально предложенные. Но теперь, по его словам, обстоятельства изменились, так как финансовая компенсация со стороны Японии позволяла ему сдержать обещание, данное ранее, и приехать в Китай. В итоге он согласился на двухнедельный визит³⁷. В начале апреля Чендзу Вей (*Chenzu Wei*), китайский представитель в Берлине, передал от ректора Цая предложение провести курс лекций за месячное довольствие в 1000 китайских долларов (около 120 фун-

тов)³⁸. Эйнштейн вновь подтвердил свою готовность читать лекции, но попросил значительно увеличить гонорар³⁹. В конце июля Императорский университет Пекина принял его условия⁴⁰.

Как неясна была подоплека визита в Китай, так оставалось неясным, как к Эйнштейну пришла мысль посетить Палестину. Приготовления встречающей стороны к его приезду тоже были довольно запутанны⁴¹. Однако в отличие от предпосылок поездки в Восточную Азию финансовое вознаграждение не играло здесь такой роли. Уже в конце 1921 года после успешной поездки в Соединенные Штаты Эйнштейн, кажется, предполагал навеститься в Палестину, где смог бы сам убедиться в активной деятельности *ишува*, местного еврейского населения. Но Хаим Вейцман тогда решил, что «нет пока необходимости ехать в Палестину». При этом он настоятельно рекомендовал Эйнштейну отправиться во второе двухмесячное турне по Соединенным Штатам⁴². О том, что Эйнштейн вновь заинтересовался идеей посетить Палестину, могут свидетельствовать документы с конца сентября 1922 года. Увидевшись с Эйнштейном в самый день отъезда последнего из Берлина в Восточную Азию, лидер немецких сионистов Курт Блюменфельд (который сыграл ключевую роль в знакомстве Эйнштейна с берлинскими сионистами) записал, что Эйнштейн принял приглашение в Палестину от Артура Руппина, директора Палестинского бюро Всемирной сионистской организации в Яффе⁴³. Он планировал заехать в Палестину по пути с острова Ява⁴⁴, на обратном пути в Берлин. Визит планировался короткий – десять дней. По словам Блюменфельда, Эйнштейн подчеркнул, что это короткое пребывание не должно «принимать за настоящую поездку в Палестину». По словам Эйнштейна, «надо ехать именно в Палестину, а не заезжать туда по пути в другие страны»⁴⁵. Репортажи о том, что время запланированного визита сокращено, появлялись в прессе 6 октября и в течение последующих дней. Было ясно, что изначально задумывалась поездка с другим сценарием и что Эйнштейн вернется сюда «на несколько месяцев» после возвращения из Японии и Китая. Также указывали, что цель этой краткой поездки в том, «чтобы ознакомиться со здешними условиями», а «в частности, посетить Еврейский университет в Иерусалиме, где у него, вероятно, будет возможность прочитать несколько лекций»⁴⁶.

Однако переписка об этой поездке между Эйнштейном, Вейцманом и служащими сионистских организаций шла параллельно с упомянутыми газетными публикациями. Похоже, Вейцман не знал о недавней встрече Эйнштейна с Блюменфельдом, так как предлагал первому: «Может быть, вы заедете в Палестину и могли бы *на обратном пути* изменить маршрут из Порт-Саида?» Поскольку Эйнштейн уже уехал из Берлина, его приемная дочь (и секретарь) Илза Эйнштейн ответила Вейцману, что родители и так заедут в Палестину, если только их не предупредили, что этого не надо делать ввиду каких-то чрезвычайных обстоятельств. По ее мнению, «они очень бы обрадовались», если бы Вейцман тоже оказался там в то же время. Она предположила, что они будут там в феврале. Но Вейцман должен был срочно поехать в Палестину в ноябре 1922 года, а затем отправился в продолжительное турне для сбора средств в Соединенных Штатах⁴⁷.

Через десять дней после письма Вейцмана Руппин уведомил Сионистский исполнительный комитет о том, что узнал от Блюменфельда. Эйнштейн принял приглашение и собирался приехать в Палестину в конце февраля или начале марта. Руппин считал, что этот визит может иметь «большую пропагандистскую ценность» для Всемирной сионистской организации, особенно для проекта Еврейского университета. Памятуя о прошлом опыте общения с Эйнштейном во время турне по Америке (во время которого высокий гость уклонялся от «линии партии»)⁴⁸, Блюменфельд полагал, что «абсолютно необходимо», чтобы и самого Эйнштейна сопровождал Гинзбург⁴⁹, а Эльзу Эйнштейн сопровождала бы женщина, желательно Роза Гинзбург⁵⁰. Таким образом, в этой поездке чета Эйнштейнов должна была заручиться покровительством официальных «теней». Что касается университета, исполнительный комитет дол-

жен был связаться с Вейцманом и выяснить у него, «какие проекты и пояснения нужно дать профессору Эйнштейну»⁵¹. Одновременно Руппин просил Вейцмана объяснить Сионистскому исполнительному комитету, «какие планы о проекте университета следует рассматривать как официальные». Это считали важным, поскольку, как полагал Блюменфельд, если никто не даст Эйнштейну никаких директив, «существовала опасность, что он станет поддерживать бессистемные мнения, которые услышит вокруг себя, а это уменьшит пропагандистский эффект турне»⁵².

Переговоры Эйнштейна с испанским научным сообществом о возможном приезде начались в 1920 году. По крайней мере две попытки пригласить Эйнштейна в Испанию были приняты до его лекционного тура в конце февраля – начале марта 1923 года. В апреле 1920 года аргентинский математик Хулио Рей Пастор пригласил его прочитать серию лекций в Мадриде и Барселоне. Эйнштейн сообщил своему близкому другу и коллеге Фрицу Габеру, что он «обязательно [...] должен поехать в Испанию»⁵³. Однако поездка не состоялась. Больше года спустя, в июле 1921 года, математик Эстебан Террадас-э-Илья пригласил Эйнштейна читать лекции в Барселонском университете во время зимнего или весеннего семестров. Однако Эйнштейн отказался – в надежде, что приедет в 1922–1923 году⁵⁴.

Буквально за несколько дней до того, как события приняли драматический оборот, совершенно поменявший контекст задуманного путешествия в Восточную Азию, Эйнштейн наметнул близкому другу Генриху Цангеру, что с учетом его недавней поездки в Париж и суматохи, вызванной его членством в международном комитете Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству, он мечтает о смене декораций. Он признался, что «изнывает по одиночеству» и что путешествие в Восточную Азию означало бы «двенадцать недель покоя в открытом море»⁵⁵.

Через шесть дней после этого письма Цангеру, 24 июня, министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау был застрелен среди бела дня на улице Берлина правыми экстремистами⁵⁶. Убийство стало поворотным пунктом в истории молодой Веймарской республики и вызвало волну протестов во многих слоях немецкого общества, за исключением ультраправых. Немедленным его итогом стали массовые забастовки, политическая обстановка накалилась, и на горизонте замаячила гражданская война. В день похорон Ратенау прошли многотысячные демонстрации в защиту республики. Обращаясь к гражданам с публичной речью в Рейхстаге, канцлер Йозеф Вирт обвинил консервативных врагов в причастности к этому преступлению. Правительство выпустило несколько декретов против националистических организаций и одновременно приняло законодательные меры для защиты республики⁵⁷.

Это жестокое убийство оказалось переломным моментом и в жизни Эйнштейна. Он и раньше с мучительной ясностью понимал, что политическая ситуация вокруг только усложняется. Убийство заставило его признать, что он, будучи евреем и видным общественным деятелем левых взглядов, буквально рисковал своей жизнью, оставаясь в Германии. В письме с соболезнованиями, адресованном матери Ратенау, Эйнштейн превозносил своего друга, имя которого войдет в историю, «не только как человека, одаренного острым умом и лидерскими способностями, но еще и как одного из великих еврейских деятелей, способного отдать жизнь, защищая этические идеалы и добиваясь мира между людьми». Физик писал: «Сам я чувствую разлуку с ним как невосполнимую утрату»⁵⁸. В опубликованном памятном обращении он высказался так: «Быть идеалистом легко, когда живешь в стране эльфов², но Ратенау был идеалистом даже на Земле и лучше многих знал, как она пахнет». Однако он был искренним и в критике Ратенау: «Я сожалею, что он стал министром. Зная отношение подавляющего боль-

² Или в Тучекукуйшине, утопическом птичьем городе из комедии Аристофана «Птицы». Немецкое выражение было заимствовано Шопенгауэром и так вошло в немецкий язык. – *Прим. пер.*

шинства образованных людей в Германии к евреям, я всегда был убежден, что еврею в общественной жизни следует вести себя с гордой сдержанностью. И все-таки я не думал, что ненависть, ослепление и неблагодарность могут зайти так далеко».

Первая жена Эйнштейна Милева Эйнштейн-Марич «пришла в ужас», услышав, что Эйнштейн был «среди людей, против которых некоторые субъекты – я не знаю, кто именно – замышляют что-то недоброе»⁵⁹⁶⁰. Берлинский журналист Фридрих Штернталь умолял Эйнштейна позаботиться о личной безопасности, предупредив, что «необузданная ненависть» к нему замечена в «немецких народных и подобных им кругах»⁶¹. Герман Аншютц-Кемпфе, близкий соратник и друг Эйнштейна, пригласил его погостить в Киль. Хотя приглашение не было прямо связано с убийством Ратенау, тот факт, что оно пришло буквально на следующий день после трагедии, вряд ли можно считать случайным совпадением⁶². Эйнштейн согласился приехать через неделю вместе с женой и писал: «Убийство Ратенау глубоко потрясло меня и стало причиной огромного волнения. К сожалению, сомнительно, что правительство Рейха установит контроль над всеми оппозиционными элементами. Особенно ненадежной кажется армия. Старые традиции презрения к морали – служащие внешней политике и ее задачам – теперь делают свое дело внутри страны». По его мнению, проблема существовала не в одном только Берлине. Он возмущался тем, что Эрнста Толлера, известного драматурга, держат в баварской тюрьме, и горестно восклицал: «О, нация поэтов и мыслителей, что с тобой стало!»⁶³

Это политическое убийство вернуло Эйнштейну прежнее желание покинуть Берлин навсегда⁶⁴. 11 июля он написал Марии Склодовской-Кюри, что собирается выйти из Пруссской академии наук и оставить пост директора в Институте физики Общества кайзера Вильгельма, то есть удаляется из «суматошного Берлина, чтобы снова иметь возможность работать спокойно»⁶⁵. Днем позже он сообщил своему другу и коллеге Макс фон Лауэ, что «официально» он уже не в Берлине, хотя физически все еще там⁶⁶. Он серьезно задумался о том, чтобы работать на Аншютца-Кемпфе на фабрике по производству гирокомпасов и купить виллу в Киле⁶⁷.

Эйнштейн передумал всего четырьмя днями позже, когда утихла паника, охватившая его сразу после убийства. «Поразмыслив спокойно», он написал, что продолжит жить в Берлине, заметив, что на фабрике в Киле для него было бы немного работы. Эльза Эйнштейн сообщала в этой связи, что убийство Ратенау было для Эйнштейна тяжелым ударом и что «у него было одно чувство – уехать отсюда, чтобы работать спокойно». Но она также была уверена, что тогда «он понял, что эта забота о покое – иллюзия. Нигде он не мог бы скрыться из виду лучше, чем здесь, в Берлине». Несмотря на это, она подтвердила, что «после поездки в Японию он [хотел] уйти с официальной должности» в Берлине⁶⁸.

Убийство изменило отношение Эйнштейна к публичности. Он решил не выступать с обращением, которое от него ждали на праздничной – в честь столетнего юбилея – конференции Общества немецких естествоиспытателей и врачей, которая должна была пройти в Лейпциге в сентябре. Своему близкому другу и коллеге Макс Планку он написал о личных угрозах, о том, что ему рекомендовали покинуть Берлин и избегать «любого появления на публике в Германии». Поскольку он был, «по их сведениям, в списке людей, за которыми охотятся националисты-убийцы». В черновике этого письма Эйнштейн прямо указывал на субъектов из числа простых немцев, которые «собираются убить» его. Он обвинял в своем положении прессу: «Вся проблема в том, что газеты слишком часто упоминали мое имя и натравили на меня этих подонков»⁶⁹. Так или иначе, все было готово для продолжительного отсутствия Эйнштейна в столице Германии.

Анализ путевого дневника

В этом разделе мы попытаемся «распаковать» глубинные слои путевого дневника Эйнштейна с помощью самого текста и окружающих его исторических источников.

Особое внимание мы уделим эйнштейновскому восприятию национальных и этнических групп, с которыми он встретился во время своего путешествия, и месту, которое занимают его комментарии в контексте исторических и культурологических исследований об образе Востока и всего «восточного» для западноевропейца. Мы проанализируем ситуацию того времени в каждой стране, где побывал Эйнштейн. Также будут исследованы собственные национальные предубеждения Эйнштейна до путешествия и спектр представлений, характерных для его восприятия новых земель. Мы проследим, как он выражал эти предубеждения по ходу путешествия и менялись ли они в результате новых знакомств и встреч. Также мы обратим внимание на то, насколько эта поездка изменила его представления о самом себе – как о еврее, немце и европейце. Как сильно переменялись его идеи о своем «я» и о личности другого? Как он понимал словосочетание «национальный характер»? Сравнение взглядов Эйнштейна с современными ему ориенталистскими, колониалистскими и расистскими идеями также является частью этого исследования.

Кроме того, важно понять, какое влияние оказали сами путешествия Эйнштейна на страны, которые он посетил. Что происходило в организациях и общинах в ходе и в результате его визитов? Как на его приезд реагировала пресса? Как массовые встречи с Эйнштейном формировали его образ для публики? На какие дипломатические и политические вопросы влияли его появления? Как он повлиял на разнообразные научные сообщества и какова была их восприимчивость к теории относительности? Какова была роль Эйнштейна как распространителя научного знания?

Наконец, мы рассмотрим влияние этой поездки лично на Эйнштейна, приняв во внимание характер путешествия, способ передвижения и личные впечатления от поездки. Мы увидим, какие общие заключения можно сделать о личных убеждениях, индивидуальных предположениях и идеологических концепциях ученого.

Эйнштейн о Леванте и левантийцах

Первой областью, которую Эйнштейн посетил на пути в Восточную Азию, был Левант. Весьма вероятно, что до поездки его ассоциации с понятием «левантийский» не были положительными. В октябре 1919 года пражский сионист Хуго Бергман, который был в Сионистской организации секретарем Комитета по устройству университета, выразил беспокойство по поводу академических стандартов будущего Еврейского университета: «Мы не хотим получить подделку или приумножить число существующих в левантийском болоте университетов. Мы хотим создать хорошую высшую школу, которая несмотря на ограниченные ресурсы будет полностью отвечать всем стандартам»⁷⁰. Тогда же Бергман написал статью, где выразился еще напористей: «Чего нам надлежит избегать, так это создания университета с низким *niveau*, левантийского университета, который ничего не привнесет в нашу богатую культуру и который ни один еврей не признает своим университетом»⁷¹. Требуя высоких академических стандартов для Еврейского университета, Бергман явно доказывал то, что доказывать не требовалось. За пару недель до его статьи Эйнштейн так высказался об образовательных стандартах в письме к своему другу-физику Паулю Эпштейну: «Наша задача – проследить, чтобы этот университет был на одном уровне с лучшими подобными учреждениями в Европе. В чем там нет недостатка, так это в блестящих умах»⁷². Вполне обоснованным будет полагать, что Эйнштейн

не имел в виду университеты «в Левантийском болоте», когда говорил о «лучших подобных учреждениях в Европе». Если мы и можем сделать какой-то вывод из заявлений Эйнштейна и Бергмана, так это тот, что они определяли свою культуру как решительно европейскую.

Восприятие Эйнштейном Леванта и левантийцев претерпело значительные изменения, когда он столкнулся с реальностью. После пяти дней корабельной качки Эйнштейн прибыл в Порт-Саид, на севере Суэцкого канала. Вот описание его явления на берегу и первого контакта с местными жителями, крайне яркое и выразительное: «В гавани рой лодок с вопящими и жестикулирующими левантинцами всех мастей, которые набросились на наш корабль. Точно Преисподнюю вырвало. Уши глохнут от шума. Верхняя палуба превратилась в базар, но никто ничего не покупает. Лишь несколько красивых, спортивного телосложения, молодых предсказателей судьбы имеют успех. Бандитского вида грязные левантийцы, красивые и грациозные на вид»⁷³.

Этот отрывок из дневника показывает как влечение, так и отвращение, которое Эйнштейн испытал при встрече с арабскими торговцами в Порт-Саиде. То, что он описывает, – провокация почти во всех смыслах этого слова. Хотя европейцы находятся на японском корабле, кажется, что местные жители Востока атакуют саму Западную цивилизацию. Это видно по языку, которым пользуется Эйнштейн: «рой», «вопящие», «набросились», «преисподнюю вырвало», «уши глохнут», «базар», «бандитского вида» и «грязные». В то же время местные люди привлекательны: «красивые и грациозные на вид».

В последующих фразах появляется подсказка, помогающая толковать восприятие этой сцены ученым: «На противоположной стороне [гавани] – стены и здания одного из тех неистовых цветов, которые часто встречаются на картинах с пейзажами тропиков». Таким образом, его восприятие действительности во многом обусловлено его зрительными (и, как мы увидим, текстовыми) ожиданиями от Востока.

Вполне в духе дуализма в физике ученый ощутил одновременного влечение и отвращение. Повстречал он также и воспитанных левантийцев. Приехав в порт Суэц в южной части канала, он пишет: «Подплывают мелкие арабские торговцы. Они сыновья пустыни, красивы, смуглы, блестящие черные глаза, манеры лучше, чем в Порт-Саиде»⁷⁴. Это описание смуглых, гордых арабов вполне могло быть почерпнуто из какого-нибудь авантюрного романа XIX века, действие которого происходит на Востоке – известным немецким автором таких романов был Карл Май⁷⁵.

Когда Эйнштейн приплыл в Порт-Саид во второй раз, уже на пути в Европу из Восточной Азии, его реакция была уже не двуликой, а категорически негативной: «Город этот – настоящее место встречи иностранцев с соответствующим сбродом». Слово «сброд» (в немецком слово *Gesindel* также имеет значение «вредитель») можно расценить как явное проявление ксенофобии.

Эйнштейн об индийцах и сингалах

Доступные источники не дают нам информации о том, каковы были представления Эйнштейна об индийцах до его путешествия в Восточную Азию. Проведя двадцать дней в море, он встретил их в Коломбо. По нужному адресу их доставили рикши, и ученый записал, что ему было стыдно оказаться «участником такого неслыханного обращения с людьми». При этом он чувствовал свою беспомощность: «Ведь эти нищие с внешностью королей целым роем следуют за каждым иностранцем, пока тот не сдастся. Они знают, как упрашивать и молить до тех пор, пока сердце человека не дрогнет». Эти слова указывают на его веру в свергнутую аристократию. Говоря о существовании нищих на городских улицах, он называет это «примитивной жизнью» – выражение явно пренебрежительное. Он также верит, что «климат мешает им

думать о прошлом или будущем более длительном, чем четверть часа» – высказывание, которое ясно показывает и географический детерминизм Эйнштейна, и его убежденность в том, что индийцы интеллектуально неполноценны. Он лаконично отмечает, что местные «живут в чрезвычайной грязи и сильной вони, прямо на земле», и полагает, что им много не нужно: они «делают мало и нуждаются в малом. Простой экономический цикл жизни». Он считает, что их стесненные условия «лишают индивидуума хоть сколько-нибудь достойного существования». Он ставит их в пример шумным левантийцам, которых видел в Порт-Саиде: «Ни грубости, ни рыночного гама, только плывут по течению, спокойно, снисходительно, и даже не без некоторого легкомыслия». То, что он считает стоицизмом индийцев, предопределено географически: «Разве не стали бы мы в этом климате такими же, как индийцы?»⁷⁷ Это показывает двойственность его отношения к местному народу: он в известной степени сочувствует их тяжелой доле, но при этом относится критически к тому, чем они стали из-за всех своих лишений.

На обратном пути Эйнштейн вновь посещает Коломбо. На этот раз описания Эйнштейна категорически негативны. Он подчеркивает назойливость местных жителей. Один из рикшей «был совершенно голый, примитивный человек». Он пишет, вернувшись после краткой однодневной поездки обратно в Коломбо: «Рикши-кули набросились на нас»⁷⁸

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.